

«ТОЛЬКО НА ВЛЮБЛЕННЫХ И ОТДЫХАЕТ ВЗГЛЯД»

Дождемся ли мы того часа, когда с художниками будем говорить о живописи, с поэтами — о стихах, с композиторами — о музыке, с женщинами — все больше о мужчинах, и наоборот!.. Готовясь к интервью, крепко себе внушала: никакой политики, никаких отрицательных эмоций, ни слова о ценах; только о муже, сыновьях, пирогах и нарядах — такая великосветская беседа за чашкой кофе. Была наслышана: она — прекрасная хозяйка, настоящая «хранительница семейного очага». Но при встрече все мои планы пошли насмарку. Нет, кофе, представьте, в тот день в буфете театра имени Я. Купалы как раз оказался. И о семье народная артистка БССР, лауреат Государственной премии Лилия Михайловна Давидович рассказала охотно, с удовольствием. Но это — на «десерт». А начала с того, о чем — главная боль. Есть люди, которые не могут безмятежно ворковать, почивать на лаврах, прятаться в башне из слоновой кости, когда вокруг — большая схватка: мир для них никогда не сузится до размеров кухни, а сцена не заслонит жизнь. Мне показалось, Лилия Михайловна — из их числа.

— Я ВСЕ ВРЕМЯ жила надеждой. Помню, после войны отец на все свои деньги купил стакан меда — в семье (а нас — пятеро братьев и сестер) был настоящий праздник. Помню свои ботинки из отцовских сапог. И первую зарплату — 65 рублей, из которых 25 отдавала за квартиру. Было трудно. Но все верила: станет лучше, обязательно станет. А сегодня у меня, народной артистки — две тысячи на книжке (на похороны, выходит, себе не скопила) и чувство, будто жестоко обманули. Вот скоро мой старший сын должен стать отцом — и я в панике: чем кормить, во что одеть его малыша...

Недавно меня просто потрясла сцена в магазине: старушка не могла купить одну рыбку; продавец долго выбирала — меньше, вот еще меньше, еще, но у нее денег так и не хватало. А по руке было видно — женщина всю жизнь работала... Как мы без войны дошли до

этой нищеты?! И ведь ни один колхоз не распущен, ни одно предприятие не остановилось — куда же все исчезает? Просто мозги отказываются воспринимать... Запомнила лица стариков в Америке — благостные, умиротворенные, будто выполнили люди свою миссию на земле и готовы спокойно уйти из мира. У меня там постоянно комок в горле был от обиды: ведь если бы нами руководили нормальные люди, мы могли бы жить не хуже — мы же сумели подняться после войны, мы же всю жизнь не хуже, не меньше американцев вкалываем... За что же проклятье на нашу землю, такую богатую и красивую? Почему Финляндия, где только озны и камни, процветает, а мы, со своими пушиной, золотом, нефтью, бедствуем? Может, и правда, Бог крадет нас за разрушенные в 17-м году церкви, за поруганные храмы?

— Вы были членом партии, Лилия Михайловна!

— Я девять лет была секретарем партийной организации театра — отрывала время от семьи, творчества. Нет, я не выходила из КПСС — все кончилось с ее естественной смертью. Но сыновьям я наказала: никаких партий, никаких политических организаций.

— Лилия Михайловна, боитесь ли вы за судьбу своего театра в условиях рынка?

— Думаю, жестокие законы рынка не должны перекрыть дыхание национальному театру. Этого, надеюсь, и правительство не допустит. Все же у нас в коллективе собраны очень интересные творческие силы, очень богатые традиции накоплены.

— Как вы относитесь к многочисленным новаторствам, экспериментам на сцене?

— Конечно, театры должны быть разные. Вполне допускаю — кто-то эстетическое наслаждение испытывает на спектаклях Виктюка. Но (может, я и ретроград!) театр, по-моему, замечательнее прежде всего своей способностью волновать зрителя, затрагивать какие-то сокровенные струны — чтобы посмотрел спектакль и задумался, как живешь на этом свете, как растишь детей, какая от тебя радость людям. В театр, как мне кажется, приходят либо отдохнуть, посмеяться, либо «очиститься». Со мной, например, на всю жизнь остались спектакли, которые пересмотрела в БДТ в молодости, — они не могли забыться.

— Вы сказали о богатых традициях, сильном составе купаловской труппы. Почему же так редко встречаешь на белорусском экране ваши ли-

ца!

— Это наше актерское проклятие — наша белорусская студия. Она чудовищно распыряется актерскими судьбами. Ржецкая, Молчанов, Дедюшко, Рахленко — совершенно уникальные мастера сцены, гордость купаловского театра, — а где фильмы с их участием? Или мое поколение — Милованов, Захаревич, Толкачева, Броварская — тоже мимо экрана, тоже не заметили. Коллеги из Болгарии, Югославии восхищаются нашими актерами — а дома до нас дела нет. Столько лет преподаю в театральном — хоть бы раз сюда заглянули режиссеры с «Беларусьфильма»! Ведь даже Станюту открыла не наша — Киевская киностудия. Что это — ленность, пренебрежение? А ведь национальные характеры, уверена, должны исполнять свои артисты: есть вещи, которые в тебе с молоком матери, и грузинка,

внимательный, любящий, он во всем для меня — самая надежная опора. Старший сын, Глеб, женат, оканчивает Политехническую академию, младший, Олег, учится там же, на втором курсе автотракторного факультета. У меня прекрасная невестка.

— У вас крепкие тылы...

— Я всегда старалась сделать свой дом таким, чтоб мои мужчины здесь «отогревались». И когда вспоминаю, как возмущался Глеб моими щами, вернувшись из армии, как торопился домой, думаю, что это мне удалось. Мне нравится готовить, нравится смотреть, как едят мои мужчины. Без ложной скромности: от моих щепелинов, пирогов за уши не оттащить. И при этом я по натуре — не домосед. Люблю дорогу, поездки, путешествия, новые встречи.

— Что вам, Лилия Михайловна, помогает держать форму: диеты, спорт?

— Когда в семье трое мужчин, и надо убрать, постирать, накомить их, можно, поверьте, обойтись и без диеты.

— А как и где обычно отдыхаете, проводите выходные?

— Родители мужа оставили нам под Несвижем дом с садом, огород. И мне по душе копаться на грядках, ухаживать за розами — как рукой снимает раздражение, там я успокаиваюсь, отдыхаю от суеты. Вообще, не стань актрисой, наверное, связала бы свою судьбу с землей — я молодею, когда вижу, как всходят огурцы, картошка, зацветают яблони.

— Когда все падает из рук, как восстанавливаете равновесие?

— Люблю взять книгу, лечь в постель, укутаться, поставить рядом хорошее (ну, это в прошлом!) вино или чай, и чтоб никто не трогал. Люблю приходить в театр после хорошего фильма, встречи, когда на душе такая особенная сладость, приятность.

— Вам нравится передача «Телевизионное знакомство»?

— Очень. Действительно, будто домой человека к себе приглашаешь и беседуешь с

ним за жизнь. Я сложно относилась к Гурченко. Но увидела ее в «гостях у Урмаса» и была покорена.

— Кто из политиков вам, Лилия Михайловна, симпатичен?

— В Беларуси — Кебич. Есть в нем хорошая хозяйская хватка. Верю Ельцину — вижу его огромное и, по-моему, искреннее желание спасти страну, народ.

— К чему приучило вас за тридцать лет в театре актерское ремесло?

— Всмотриваться в человеческие лица. Когда после выступления в каком-нибудь колхозе присаживаешься с женщинами, начинаешь беседовать с ними о всех их бедах, радостях, заботах — такие порой характеры проступают, такие колоритные образы находишь... Еду в транспорте — помимо воли «вылавливаю» интересные типы. И знаете — даже внешне заметно, насколько мы изменились. Сплошь — какие-то серые, понурые, уставшие лица. Куда-то пропали улыбки, одухотворенность исчезла. Только на влюбленных и отдыхает взгляд.

А вообще, может, потому, что актер проживает столько жизней, вырабатывается интуитивный «нюх» на людей. Вспоминаю свои первые впечатления о людях — и даже самой жутковато — как редко ошибалась.

— Лилия Михайловна, верите ли вы астрологическим прогнозам, предсказаниям, доверяете ли экстрасенсам?

— Если вы о Чумаке, Кашиповском — то ни на грош. Никогда не ходила к гадалкам, гадать на картах не умею и даже боюсь (хоть сама родилась с католическое рождество — 25 декабря). Сколько отпущено Богом — за то и спасибо.

— Вы счастливый человек!

— У меня — замечательная семья, любимая работа. А счастье... Кто знает, что это такое?.. Иногда я думаю, что сама человеческая жизнь и есть величайшее счастье. С огласны!

Беседовала
Ольга ПОКЛОНСКАЯ.